

Мария Сорока

Кофе

Мария Сорока

Кофе

«Издательские решения»

Сорока М.

Кофе / М. Сорока — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742449-7

Дебютный роман автора бестселлера «15 ветреных лет» (серии «Захар Прилепин рекомендует»). Историю четырех молодых мечтателей Мария Сорока написала всего в 19 лет, уже будучи близко знакомой с неформальной жизнью и рок-культурой. С первых строк читатель попадает в мир, где разговор по душам дороже всего на свете, а расстояния измеряются количеством выкуренных по дороге сигарет. В хрупкий мир, пропитанный ароматом кофе.

ISBN 978-5-44-742449-7

© Сорока М.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Бар «Куро-лоли»	6
Глава I. Зоя	7
Глава II. Эдик	12
Глава III. Лайм	16
Глава IV. Жюстина	20
Глава V. За дверью у А. П.	24
Глава VI. Сонный день	29
Глава VII. Так бывает	32
Глава VIII. Возвращение Лайма	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кофе

Мария Сорока

Иллюстратор Виктор Шестак

Дизайнер обложки Юлия Тугаринова

Дизайнер обложки Сергей Ульянов

© Мария Сорока, 2019

© Виктор Шестак, иллюстрации, 2019

© Юлия Тугаринова, дизайн обложки, 2019

© Сергей Ульянов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-2449-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Бар «Куро-лоли»

Глава I. Зоя

Зоя стояла спиной к барной стойке и невидящим взглядом смотрела на большой блестящий зал, суетливых людей и тяжёлые шторы на окнах. На секунду время остановилось. А потом побежало так быстро, что Зоя даже и не пыталась за ним успеть. Её тонкие ручки с ещё детскими припухлостями мёртвой хваткой вцепились в шёлковый передник. Сердце бешено колотилось, и с каждым ударом ему становилось всё теснее в грудной клетке. Зоя ощущала движение тёплой крови по организму. Постепенно крови становилось всё больше, она перестала уместаться в венах. Кровь начала наполнять Зою, как хрустальный графин. Вот она уже подошла к горлу и потекла по языку. Солёная, тёплая, она просочилась сквозь плотно сжатые зубы и вытекла наружу тонкой бордовой струйкой. Струйка быстро побежала по бледным губам, чёткой линии подбородка, стала подбираться к тонкому изгибу шеи.

Зоя опустила взгляд на руки. Кровь сочилась из-под ногтей, окрашивая кончики пальцев и создавая красные разводы на белом переднике.

Тело стало предательски дрожать. Такой мелкой, гадкой дрожью, от которой невозможно избавиться. Вместе с ним вздрагивала каждая складочка на белой хлопковой блузке с кружевными вставками. Вздрагивали бантики на пышном подъюбнике, вышитый цветок на чёрной юбке, рюши на высоких белых гольфах и даже застёжки на миниатюрных чёрных туфельках с высоким квадратным каблуком.

Люди исчезли, мир окрасился в бордовые тона. Кровь стала сочиться из древесных столешниц, металлических вешалок, из щелей потрескавшейся краски на стенах. Тишина и спокойствие дышали на Зою обжигающей теплотой. Стало хорошо и свободно. Зоя почти привыкла к стекающей с губ крови. Её перестала пугать кровавая каша под ногтями. Зое понравилось отсутствие звуков. Сердце стало успокаиваться. Зоя сделала глубокий вдох... И вдруг ощутила запах.

В реальность Зои стремительно ворвался запах кофе. Насыщенный, тяжёлый. Он обрушил на Зою все детали окружающего мира. Слова говорящих, кричащих, поющих одновременно людей. Запахи духов, машин, свежих тостов. Цвета пыли, модных брюк, лучей солнца, падающих из окна. Ощущение бесконечного движения со всех сторон.

Белоснежный передник Зои не был в крови. Кровь возобновила своё неощутимое движение по венам. Сердце стало колотиться реже. Ещё не до конца придя в себя, Зоя посмотрела на пол и с досадой обнаружила, что стоит в луже кофе среди осколков чашки.

Справа возникла девушка.

– Зоя, ты чего?

За окном послышался вой сирены.

– Зоя, Зой, смотри! Смотри – там скорая подъезжает! Там что-то произошло. Ты ничего не видела?

Большая часть посетителей повскакивала со своих мест, прильнула к окну, выбежала на улицу. Оставшиеся за столиками увлечённо болтали по телефонам или интересовались у окружающих о происшествии на улице.

– Зоя, пойдём, посмотрим!

Зоя облизнула сухие губы и разгладила несуществующую складку на юбке.

– Зоя, я не хочу одна идти. Вдруг там что-то страшное?!

Зоя пустым взглядом смотрела в окно, видя там лишь спокойно плывущие облака.

В тот день, когда Зоя родилась, белые-белые облака также плыли по голубому небу. Вечерело, измотанный врач командовал уставшей будущей матери Зои, что делать. В отделении

ярко горели лампы, воздух был тяжёлый, сновали надоедливые медсёстры. Обстановка была серая, почти угнетающая. Будущая мать Зои мечтала поскорее выписаться из больницы и переступить порог квартиры, держа на руках малышку. Врач мечтал о припасённой в кабинете уже откупоренной бутылке коньяка.

Но Зое было достаточно и этих невзрачных красок. Как только она родилась, её большие серые глаза вытаращились на окружающий мир, и сердце замерло от восхищения. Необъятное пространство, тёплые руки, огромные живые существа, желающие ей добра... У Зои перехватило дыхание и, не издав ни звука, она маленькой восторженной куклой повисла в руках врача.

Врач прислушался, попробовал нащупать сердцебиение, покрутил Зою в руках и без особых эмоций констатировал:

– Ребёнок мёртв.

– Как мёртв?! – дрожащим хриплым голосом прошептала мать Зои.

Ещё не утратив связь с матерью, малышка ощутила на себе волну боли и отчаяния. Это был такой неожиданный контраст с тем, что Зоя почувствовала в самое первое мгновение появления на свет! Не зная, что делать и как помочь матери, Зоя заплакала. Её плач развеял застывшую в воздухе горечь, и в комнате как будто стало ещё светлее.

– Ребёнок жив, – констатировал врач, и инцидент был исчерпан.

Так Зоя узнала, что, даже тихо радуясь красоте окружающего мира, можно сделать что-то плохое. Конечно, она не запомнила тот случай, но первый страх, первый испуг, первая тревога навсегда отложились где-то в глубине сознания.

Зато возможность потерять Зою хорошо запомнилась родителям. У них вошло в привычку смотреть на неё и с ужасом думать, что было бы, ни будь дочери сейчас рядом. Они души не чаяли в Зое и окружали её такой заботой, на которую только могут быть способны родители. Зоя отвечала им такой же безграничной любовью. Она росла спокойным послушным ребёнком. С первой минуты жизни в ней укоренился страх снова чем-то расстроить близкого человека, поэтому Зоя прикладывала все возможные усилия, чтобы родители были рады и гордились ею.

Кроме спокойствия в Зое развивалась замкнутость. Сверстники казались ей скучными и похожими друг на друга. Взрослые (большая часть) слишком занудными и серьёзными. Но Зоя всегда верила, что где-то обязательно есть люди, с которыми ей будет интересно, которые привнесут в её жизнь что-то новое и необычное. Однако такие люди всё не появлялись. Единственными, с кем Зое по-настоящему нравилось общаться, были её родственники, но и это общение основывалось не на духовной близости, а на взаимной любви и привязанности. Так что, почти всю школьную жизнь Зоя не знала ничего о дружбе, вечеринках и свиданиях. Большую часть свободного времени она проводила за книгами с красивыми историями или в интернете, рассматривая милые картинки.

Зоя была буквально помешана на всём милым. Она любила медвежат Teddy и брелки с Hello Kitty, юбки в стиле Минни Маус и кружевные колготки. Зоя коллекционировала открытки первой половины прошлого века и кольца с цветочками, розовые блески для губ с разными ароматами и рецепты пирожных, разноцветные ленточки и иллюстрации к «Алисе в Стране чудес». А когда она узнала о японском стиле Gothic&Lolita, то окончательно утвердилась в своем мироощущении. Зоя удивилась тому, насколько сильно этот стиль одежды и жизни, основанный на образе старинных фарфоровых кукол, подходит её видению мира. Зоя стала носить исключительно пышные юбки до колена, туфли – только на перепонке, блузки и джемперы – с бантиками. Она ещё активнее принялась подбирать особенные аксессуары и выискивать в интернете приторные фотографии и картинки.

На почве нового увлечения Зоя наконец-то завела себе компанию. Это были такие же поклонницы стиля Gothic&Lolita, с которыми Зоя познакомилась в интернете. Они виделись нечасто, но каждую встречу превращали в настоящий праздник. Как истинные куклы, устраи-

вали чаепития, ходили в театры и периодически организовывали фотосессии для себя и своих необычных костюмов. Зоя не считала этих девушек своими подругами – они иногда критиковали её костюмы и порой не приглашали на встречи узкого круга. Но Зоя воспринимала их как приятную данность и с удовольствием принимала участие во всех их затеях.

Неожиданно пришёл выпускной. Зоя слышала отовсюду, что детство закончилось, но не могла взять в толк, как именно это произошло. Мир вроде бы не изменился, и с её взглядами ничего особенного не произошло. К сожалению, суровая действительность всё-таки заставила Зою оторваться от чтения очередной книги и пришивания бантиков на новую сумку. Нужно было как-то определяться в дальнейшей жизни.

Зоя сделала несколько невнятных попыток сдать вступительные тесты, но все их благополучно провалила.

– Ничего, на следующий год поступишь, – неудачно скрывая своё расстройство, утешил папа.

– Угу, – ответила Зоя из-под одеяла. После окончания школы не нужно было больше вставать и куда-то идти.

– Но ты придумай, чем этот год заниматься, – сказала мама и добавила: – Ну, так... Чтобы от безделья с ума не сходить.

– Угу, – ответила Зоя.

Она уже придумала, что будет делать дальше.

Зоя любила кофе. Нравилось вдыхать его аромат, нравилось сжимать в ладонке зёрна и пробовать при варке новые специи. Не печалась о проваленных тестах и долго не раздумывая, Зоя пошла учиться на бариста. Родители отнеслись к её выбору снисходительно. Зое очень понравилось изучать сорта и вырисовывать шоколадной стружкой рисунки на молочной пенке. В фантазиях Зоя видела себя настоящей волшебницей, творящей чудеса с помощью турки и кофейного аппарата. Зоя была самой прилежной ученицей в группе и жадно запоминала все тонкости кофейного искусства.

Кофе... Этот напиток вдохновлял Зою и проникал в её сознание, как наркотик. Сосредоточившись на варке, Зоя рисовала в голове картины стиля эпохи Возрождения и современного поп-арта, представляла шумные балы и религиозные празднества майя. Перед её глазами возникали узоры из чистейших оттенков кофе, ванили, корицы, мёда, карамели и шоколада. Занимаясь варкой кофе, Зоя будто танцевала под звуки клавишина и придавала живости даже строгому механическому эспрессо.

Ещё на выпускном вечере в голове Зои зародилось решение покинуть родительский дом. План назревал медленно, но неотвратимо. Каждый день Зоя терзала себя мыслью, что из неё получилось совсем не то, чего хотели бы мама и папа. Конечно, как любые хорошие родители, они наверняка хотели видеть Зою популярной целеустремлённой девушкой. А в результате... Они-то хотели, чтобы Зоя стала самостоятельной перспективной студенткой – а от всех этих определений осталась только сомнительная самостоятельность. Полный провал при поступлении стал для Зои определяющим событием. Она решила: «Я должна уйти». И ушла. В рассуждениях Зои прекрасно уживались мысли о том, что она обуза для родителей, и о том, что отец с матерью ни за что её не отпустят. Поэтому избавление родителей от груза в виде себя, Зоя представляла как побег.

Ничего остросюжетного из её «побега», конечно, не получилось. Просто в начале августа Зоя отпраздновала своё совершеннолетие, через неделю получила сертификат бариста, а на следующий день проснулась, собрала вещи, оставила записку «*Не ждите к ужину я позвоню*» и, пока кто-нибудь не вернулся с работы, тихо ушла.

Зоя медленно спустилась по ступенькам подъезда, поставила чемодан на пол, нажала на кнопку и толкнула тяжёлую металлическую дверь. За дверью Зою ожидал новый мир. Вроде бы такой же, как и раньше. Но всё было уже не так прозаично. Переступив порог подъезда, Зоя окунулась в необъятное и загадочное море взрослой жизни. Теперь весь мир смотрел на неё, норовил утянуть в сети судьбы и завертеть в круговороте настоящей городской жизни, которая была незнакома маленькой тихой школьнице. Зоя даже представила, как уже сегодня будет рассказывать:

– Весь мир дышал на меня!

«...Перегаром», – мысленно сострит её главный слушатель.

Она знала, что этот слушатель примет её только такую: сбежавшую, уверенную в себе, отрезавшую пути к отступлению. Тащить винтажный чемодан без колёсиков через весь город, а потом ещё на восьмой этаж дома с неработающим лифтом, было тяжело. Но с каждым шагом Зоя становилась всё увереннее и решительнее. Преодоление последних ступенек запомнилось ей как великое восхождение. Разгладив скомкавшийся подъюбник и поправив миниатюрную сумку в виде пуделя, она подошла к двери. Обивка была в нескольких местах порвана и заклеена скотчем. Зоя прислушалась к орущей из-за двери музыке. Мелодия была незнакомая. Слова – не разобрать.

Зоя несколько раз вполголоса проговорила заготовленную ранее речь. «Здравствуй... Я решила...» – Зоя шевелила губами, проглатывая слова и буквы. Наконец, она встала вплотную к глазку и дрожащей рукой нажала на кнопку звонка.

Никто не открывал минуту, две, три. И вот, наконец, по ту сторону двери кто-то вскинул правую бровь, посмотрел в сторону прихожей, от которой вроде бы доносились какие-то звуки, сделал музыку потише, дождался повторного звонка и натянул джинсы.

Когда дверь распахнулась, Зоя не могла сдержать радостной улыбки. Её всегда до внутреннего визга радовали эти взлохмаченные волосы, свисающие джинсы, шипованные браслеты и разноцветные фенечки. У него было много странностей и критическое отношение ко всему на свете. Зоя гордилась тем, что причастна к его жизни и занимает в ней значительное место.

– Привет, – сказала она нарочито-смущённо.

– Привет, – сказал он и с непонятной Зое эмоцией посмотрел на чемодан.

Глава II. Эдик

Цвет ясного ночного неба, с примесью света фонарей, был глубоким и насыщенным. Звёзды светили не ярко, словно находились ещё дальше, чем обычно. В воображении возникла изящная рука, небрежным движением рассыпающая звёзды по небосклону. Эдик шёл под этим небом, пытаясь отыскать хотя бы одно созвездие. Но в астрономии он разбирался намного хуже, чем в музыке. А в музыке он разбирался хорошо, очень хорошо. Ещё он разбирался в гнёте окружающего мира – долго изучал его, наблюдал, размышлял. Он ощущал этот гнёт и не знал, куда от него деться. По сути, деваться было некуда.

В этом холоде реальности, в скупой на счастливые минуты жизни Эдик чувствовал себя бесконечно одиноким – как космонавт в одноместном космическом корабле где-то очень далеко от орбиты. Эдик мерил людей по себе. Эдик был уверен, что по-настоящему никому не нужен. И от этой мысли Эдику было, в общем-то, ни горячо, ни холодно.

Он ведь знал, что мы все живём в Аду.

Эдик был самый спокойный и самый пьяный в своей компании. Он редко улыбался и в хорошем настроении бывал только трезвым.

Итак, он знал, что всё мы живём в Аду. Он не предполагал, не был уверен, или что-то в этом роде. Эдик именно знал. Такие познания не приходят под влиянием песен, фильмов или книг. Парадоксально – долгое время Эдик пропускал мимо ушей все слова про Ад. Он не задумывался над текстами песен и смыслами концептуальных фильмов, в которых продвигалась эта идея. Он смеялся над своими религиозными знакомыми. А потом внезапно, совершенно самостоятельно пришел к этому невесёлому выводу.

До того большую часть своей сознательной жизни Эдик старался найти объяснение многим удручающим его вещам. Тому, что люди со временем стареют и начинают видеть в зеркале морщины и пожелтевшую кожу. Что родители порой переживают детей. Что любовь чаще всего заканчивается болезненным расставанием или скучным браком. Что мелочи разрушают дружбу. Что редко всё складывается так, как хочется. Что в жизни мало красоты. Что во фруктах встречаются черви. И ещё многому другому. Мало с чем из этого Эдик был знаком лично, но он знал, что так бывает, и что никто от этого не застрахован. И в один самый обычный день, Эдик вдруг осознал, что все мы живем в Аду. Он не строил гипотез о том, как мы здесь очутились, и есть ли ещё что-то кроме Ада. Но факт оставался фактом.

Сложно сказать, стало ли Эдику от понимания этого жить проще или сложнее. Наверное, всё же проще, потому что если ты живешь в Аду, ничего не имеет ни смысла, ни значения.

Найдя ответ на главный вопрос и успокоившись, Эдик стал воспринимать жизнь как компьютерную игру. Он – главный герой, попавший в Ад, вынужденный бегать по его гадким закоулкам и делать множество задуманных кем-то действий. А раз это компьютерная игра, то, кроме всего, можно собирать бонусы и вводить секретные коды. Этим-то Эдик и занялся.

Он долго размышлял, где сможет собрать побольше бонусов. Всё взвесив, он решил, что ему нужно, и кем он хочет быть. Вечно пьяным панк-рок-музыкантом. И он стал вечно пьяным панк-рок-музыкантом.

С того момента дела у Эдика пошли легко и просто. Он мало чего хотел от жизни, но того малого, что хотел, непременно добивался. Он быстро собрал свою группу. Он никогда не страдал от творческого кризиса. Он легко находил общий язык с нужными людьми и всегда сам договаривался об очередном концерте. Он знал: для того, чтобы позволить себе быть вечно пьяным панк-рок-музыкантом, нужно быть успешным вечно пьяным панк-рок-музыкантом. Конечно, успех пришел не сразу, и некоторое время Эдик сомневался в своём выборе. Но вот,

число поклонников стало больше числа друзей, а потом и числа знакомых. Эдик и другие парни из его группы почти всё своё время отдавали музыке и пожинали сладкие плоды. Среди этих плодов были деньги и девушки.

Со временем Эдик перестал любить. Любить девушек из Ада казалось ему чем-то недостойным. Конечно, он спал с ними и иногда даже поддерживал отношения. Но Эдик-то знал, что все они просто маленькие гниющие в Аду существа. Красивые и не очень, страстные и бревна, спокойные, истерички, всегда весёлые, всегда грустные, с образованием и без, из хороших семей, из плохих семей, с длинными волосами, с короткими волосами, милые, стержовые, с большой грудью, с маленькой, любящие делать минет, не умеющие его делать, – все они были, по сути своей, девушками из Ада – представительницами одной касты, одного сословия. Пожалуй, было лишь единственное маленькое хорошенькое исключение, которое милым ручным ангелочком обитало в его жизни, когда он жил в родительском доме. И в тот самый день, который пришел на смену ночному изучению созвездий, это исключение позволило в дверь.

Эдик не сразу понял, что происходит. Очень болела голова, и ещё почему-то болел локоть. А за дверью стояла Зоя. И приехала она не одна, а со своими ненаглядными вещами, к которым относилась так, как все нормальные люди относятся к домашним животным, и которые она ни за что бы не оставила даже на предложение «чемодан или жизнь».

Стоять ровно и обдумывать сложившуюся ситуацию было проблематично. Поэтому Эдик прислонился к дверному косяку.

Нет, не то что бы он был не рад сестре. Приедь она просто так, в гости, он незамедлительно впустил бы её. Но... Чемодан смущал. Чемодан создавал ощущение беспокойства. Чемодан выглядел, как бомба замедленного действия.

– Привет.

– Привет, – ответила Зоя и, расплывшись в улыбке, сделала шаг вперёд. – Ну? Впустишь? Мне надо с тобой поговорить.

– Проходи, конечно, – неуверенно сказал Эдик.

В голове Эдика промелькнула надежда, что, может быть, это вовсе не Зоин чемодан. Может быть, это к соседу решила переехать сестра? Может быть, это сестра соседа оставила чемодан на лестничной площадке?

Но вот, не дождавшись помощи, Зоя подхватила чемодан и внесла его в прихожую. Как в замедленной съёмке Эдик наблюдал: вот Зоя расстёгивает и снимает туфельки, вот вешает на крючок жакет непонятного цвета.

Они прошли на кухню. Зоя села на табуретку у стены и стала наблюдать за Эдиком. Он привычным движением включил чайник, достал из буфета две чашки, насыпал чай и сахар.

– А можно мне кофе? – спросила Зоя.

Эдик очнулся от каких-то своих ему самому непонятных мыслей. Обдумывая вопрос Зои он помолчал несколько секунд и, наконец, ответил:

– Кофе нет. Есть ещё зелёный чай, но он сильно дорогой и Лайм им не делится.

Щёлкнула кнопка чайника. Эдик разлил кипяток по чашкам, сел напротив окна и закурил.

– Как дела? Что нового?

– Я вчера закончила курсы бариста.

– Молодец.

– А сегодня ушла из дома.

Эдик потянулся за пепельницей и придвинул её к себе. Весь его вид говорил о том, что последнее, чего ему хочется в этой жизни, – что-то ответить на заявление Зои. Та съёжилась и замерла в ожидании приговора. Её решимость, которая ещё утром казалась бессмертной

и всепобеждающей, теперь вместе с Зоей сжалась в маленький комочек и готова была улетучиться при первом же дуновении ветра. Эдик долго собирался с мыслями. Эти мысли были о Зое, об ответственности старшего брата, о том, что сестра не общалась с ним последние четыре месяца и объявилась только теперь, когда понадобилась помощь.

– То есть, ты хочешь жить здесь? – спросил Эдик, теряя последнюю надежду на то, что Зоя просто зашла к нему попрощаться перед отъездом, скажем, в Гваделупу.

– Ну... Да. – Еле слышно пробормотала Зоя.

Эдик затушил бычок и потянулся за следующей сигаретой.

– Ну, я же тут сама знаешь, блин, как живу. Койко-место снимаю. И то – с концертами в последнее время туго, сам не знаю, как и где буду дальше.

Больше всего на свете Зое хотелось сейчас остаться здесь. Она готова была всеми правдами и неправдами уговаривать Эдика, лишь бы с позором для себя не возвращаться к родителям. Больше всего на свете Эдику хотелось, чтобы Зоя вернулась обратно. Чтобы ему не пришлось заботиться о ней, опекать её и каждый день играть социальную роль хорошего старшего брата. Брать на себя какую-либо ответственность никак не входило в его планы.

– Я устроюсь на работу, и будем платить больше, – парировала Зоя.

– Ладно, – к удивлению для себя самого ответил Эдик и выдохнул дым через ноздри. – Лайм всё равно собирался на неделю куда-то... Можешь пожить здесь недельку, а там посмотрим. Только позвони родителям, скажи, где ты, и что с тобой всё в порядке.

Зоя чуть не подскочила от счастья. Она улыбалась своей самой очаровательной улыбкой и хлопала глазами.

– Но я не знаю, как там дальше Лайм отреагирует. Он вообще-то не очень девушек любит...

Зоя сделала глоток чая.

– Кстати, давно хотела спросить: тебе вообще нормально жить с геем?

Глава III. Лайм

12.08

Я бегу через лес. Я путаюсь в форме, которая мне велика, под тяжестью шинели. Они бегут за мной, что-то выкрикивая на своём языке.

Ветки больно хлещут меня по лицу. В какой-то момент понимаю: всё, больше не могу. Будь что будет, я не могу бежать дальше. Да, будет что-то страшное, но я больше не могу сделать ни шагу. Моё тело предаёт меня. Ему же и расплачиваться. Это гадкое ощущение собственного бессилия, беспомощности, обречённости... Мне страшно. Мне очень страшно. Я падаю в снег, и единственное, что могу делать – это загребать снег ртом, чтобы утолить чудовищную жажду.

Меня хватают под руки, поднимают. Один из солдат ударяет меня в живот. Мне очень хочется упасть обратно, в холодный снег, но меня держат, не дают упасть моему повисшему телу. Затем меня прислоняют к дереву, отходят. Я стою несколько секунд и начинаю медленно сползать вниз по корявому стволу.

Видимо, командир выкрикивает какие-то команды. Наверное, что-то вроде «Готовсь, цельсь, пли!» – не знаю. Да мне и всё равно.

Меня пронзает острая боль. «Бам-бам-бам!».

Я просыпаюсь.

Эти сцены войны давно меня мучают. Вот они – мои Фредди Крюгеры. Нет бы, приснилось море. Или красивый мальчик в душе... Мне кажется, я уже могу писать сценарий к фильму про войну. Где я только ни побывал! В разрушенных городах и деревнях, в концлагерях по обе стороны фронта, в партизанских отрядах и штаб-квартирах. А сны всё не заканчиваются. А я всё просыпаюсь в холодном поту. Честно! Я раньше не знал, как это. Думал – просто выражение такое. А оказалось – действительно так можно просыпаться.

Одна моя знакомая экстрасенс утверждает, что всё это сцены из прошлой жизни, которые никак не может забыть моя впечатлительная душа.

14.08

Не успев до конца очнуться, я открываю глаза. Меня пронзает вспышка боли. У меня мутнеет в глазах, хотя и так было не особо чётко. Я словно иду через поле. Бескрайнее поле пшеницы (ну, «Гладиатор» прямо!). Но постепенно спасительный мираж проходит. Я понимаю, что всё ещё жив.

Оценив своё положение, приходится признать, что это не так уж и хорошо. Одежда, шинель, снег – всё пропитано кровью. Моей кровью. А сколько её осталось во мне? Думаю, очень мало.

Я, наверное, должен стонать и ползти. Но меня, скорее всего, никто не услышит. И ползти мне особо некуда.

Ну, зачем я, спрашивается, далеко убежал от своего лагеря? Сейчас бы добрался до своих... Ну, как-нибудь так потихонечку, загребая локтями снег. «Раз-два, раз-два» – твердил бы я себе – «Раз-два, раз-два... Ну, давай – ещё чуть-чуть. Немного совсем осталось. Раз-два. Раз-два». Но кто же знал, что мне так и повезёт, и не повезёт?

И я принимаю самое верное решение на все времена – поспать.

И, как обычно, просыпаюсь в своей кровати.

15.08

Я открываю глаза. Я жив. Я жив. Я жив. А почему бы мне и не быть живым?

Мне больно. Мне настолько больно, что я начинаю непроизвольно кричать и стонать. Вот так: «Х-х-х-рр-а». «А» уходит куда-то в пустоту и сливается с другими такими же хрипами.

Глаза открыты, но отказываются воспринимать окружающую действительность.

Больно всему телу. Боль-но. Очень. Я хочу обратно, в сладкий сон. В то несуществование, где не было ни этой боли, ни чужих хрипов, ни липких простыней, пропитанных моим и, думаю, чьим-то ещё потом (кровью?), ни всего остального. Я чувствую, как моё тело стягивают бинты и жгуты. Что-то внутри меня пульсирует. Что-то жжёт. И весь этот ужас вкупе с ужасным, бьющим в нос запахом – как в больнице, только ужаснее.

Я в бреду. Я в каком-то кошмарном бреду. Непроизвольно произношу какие-то буквы, слова, имена.

Я проваливаюсь в небытие и возвращаюсь снова. Вокруг меня светлее, и звуков меньше. Запах всё тот же. От этого запаха меня начинает мутить. И боль не проходит. Я начинаю вспоминать все ругательства, которые я, кстати, знаю немало. Не вспомнив все до конца, проваливаюсь опять в сон.

И опять прихожу в себя... Мне жутко холодно. Хочется только свернуться калачиком под кошмарной липкой простыней. Но я не могу. Я весь перетянут бинтами – в тех местах, где чувствую боль. Я перевязан слишком туго. Кажется, если пошевелюсь – бинты тут же лопнут, а раны – трещинами, как в тонком льду, пойдут по всему телу. От холода меня снова спасает небытие.

И так, казалось, будет бесконечно. Туда-сюда. Туда-сюда. При каждом пробуждении – предательские неожиданные вспышки боли. Каждый раз надежда, что больше не проснусь.

Бесконечные прыжки в реальности. Как в «Эффекте бабочки»? Нет, там не так, конечно, было. У меня, кроме света и звуков, и не менялось ни-че-го. Но вот, наконец, я оказался, где хотел – проснулся в своей кровати под родной шум компьютера.

16.08

Я открываю глаза. Боль. Жар. Вокруг – полумрак. Я поворачиваю голову – справа пустая металлическая кровать. Я поворачиваю голову – слева на другой койке лежит и сопит какой-то человек.

Я начинаю обдумывать. Я начинаю понимать. Я пытаюсь сконцентрироваться на своих мыслях, чтобы отвлечься от ужасного ощущения, разливающегося по моим внутренностям.

«Что заставило меня окончательно проснуться? Что?» – удивляюсь я. Начинаю мысленно ощупывать реальность.

Жёсткая койка и, похоже, более или менее свежее бельё. Слабый свет где-то в глубине комнаты (видимо, палаты). Чей-то храп. Чьё-то неразборчивое бормотание во сне. Сопение соседа справа.

И – мелодия. Какой-то напев. Да, здесь кто-то поёт. Похоже, девушка. Мычит что-то себе под нос. Что-то про любовь... Что-то про войну...

И тут я понимаю, что она поёт фальшиво. Ужасно фальшиво. И я думаю: «Какая, нафиг, песня?! Нам тут и без тебя тошно!»

Из темного угла ко мне медленно приближается та поющая медсестра. На ней какое-то смешное платье, украшенное чем-то вроде кружева и прямо-таки огромными крестами. И сердечками.

Типичная, в общем, баба такая. За окном война. Тут люди мрут. А она даже в госпиталь как на праздник. Подходит ко мне, пружиня тугими локонами! И поёт. И так поёт, так заливается, столько чувства вкладывает... Так и хочется сказать «Заткнись, дура!»

И тут происходит невероятное. Я просыпаюсь на своём диване в своей большой комнате. А та медсестра стоит передо мной и хлопает глазами. И всё осталось: её пружинистые локоны,

песня мимо нот и белое платье в крестах и сердечках. Заметив, что я проснулся, медсестра перестаёт петь, делает испуганные глаза и убегает на кухню.

21.08

Хочу написать про Зою, раз уж ей удалось повлиять на мои сны.

Первые три дня я старался вообще не обращать на неё внимания – больше трёх дней девушки у Эдика не задерживались. Надо признать, Зоя раздражала меня меньше, чем прошлые девушки. Хотя она постоянно мельтешит перед глазами в своих дурацких платьях, но, всё-таки, по ней видно, что она – хорошая девочка. И ей удалось спасти меня из моего очередного кошмара – это самое главное. До этого я её вообще не видел. Пришёл от заказчика уставший и сразу завалился спать – её даже не заметил. А потом она сразу проникла в мой сон. И, что самое главное, пока что кошмары не повторялись! (стучу по дереву)

Когда прошло три дня, а она всё ещё оставалась у нас, я решил, что это уже повод узнать, как её зовут.

Зоя – странное имя для девочки. Вот у меня была бабушка Зоя. Уж Зоя, так Зоя! А эта... Хотя, надо признать, это имя ей подходит. Она не очень красивая, ещё не сформированная и коротенькая такая – Зо-я.

Но Эдик таких страшилок приводил, что Зоя по сравнению с ними Анджелина Джоли!

Её вещи стали распространяться по квартире. Тут – бантики. Там – носочки. В ванной – плойка. А когда я начал собираться в командировку, то увидел в кладовке незнакомый чемодан! Тогда уже шёл пятый день, и я решил спросить у Эдика, что его связывает с этой Зоей, что она так надолго у нас задержалась.

«Семейные узы», – ответил Эдик.

«Эдик, ты женился?!» – удивился я.

«Нет, это – сестра», – успокоил меня Эдик.

Ну не то чтобы успокоил. Я, если честно, был в шоке. Во-первых, я не знал, что у Эдика есть сестра. Во-вторых, я со страхом спросил: «Она что же – будет жить тут?». «Ты же всё равно уезжаешь. А там – посмотрим». Знаю я его «посмотрим»! Я совсем был в шоке. То есть оказалось, что она уже пять дней как сюда переехала, а меня никто и не спросил!

Глава IV. Жюстина

Она очнулась сидящей в фонтане. Солнце ярко светило прямо в глаза. Холодные капли больно били в макушку, уши, нос, веки. Чёрные струйки туши текли по щекам. Немногочисленная одежда вымокла до последней нитки и прилипла к коже.

Девушке ужасно захотелось скорее выбраться из воды, но тело какое-то время не слушалось. Даже глаза отказывались прояснять прямоугольники домов, фигуры людей, силуэты машин, – всё расплывалось в яркие и серые пятна, раздваивалось и иногда растворялось в воздухе. Но вот, наконец, зрение обрело чёткость, а мышцы согласились вступить в переговоры.

Девушка сделала несколько неуверенных попыток встать. Однако дно фонтана было скользкое, а движения слишком мягкими, поэтому встать удалось только на третий раз. Хотя день был невероятно жаркий, девушку колотило от холода. Ледяная вода ручьями стекала по лицу, груди, спине, животу, рукам. Девушка подняла руки, протёрла глаза. Потом она попыталась выжать волосы и футболку.

Рядом со свистом пронеслись скейтбордист и роллеры. Мимо проходили люди, старательно не замечая девушку. Какой-то ребёнок пытался что-то объяснить родителям про тётю в фонтане, но незамедлительно получил шлепок по попе. Наворачивая очередной круг, скейтбордист бросил на девушку мимолетный оценивающий взгляд и понёсся дальше.

Вдалеке, из-за угла, показалась крупная фигура в форме. Носитель формы разговаривал по мобильному и был так увлечён, что не обратил на девушку внимания. А она, хотя мысли её ещё путались, инстинктивно поторопилась скрыться. Но прежде разглядела в воде босоножки и схватила их. Перешагнув мраморный бордюр, она, шатаясь и спотыкаясь, направилась к ближайшей арке, ведущей во двор.

Там было безлюдно. Даже от возможных любопытных взглядов из окон спасала густая листва деревьев. На детской площадке, посреди песочницы, одиноко стояла металлическая карусель. Несколько секунд девушка смотрела на то, как краска качелей блестит в лучах солнца. Не в силах больше сделать ни шагу, она опустилась на корточки, вытянула вперёд руки и опустила голову. Она сидела и глубоко дышала. Ужасно болел затылок, тело ломало, гадко дребезжала внутри тошнота. Звук собственного дыхания вибрацией отдавался в ушах. Просидев так с минуту, она собрала все силы на последний рывок, встала и, почти ровной походкой, побрела к карусели.

Девушке ужасно захотелось пить. К счастью, солнце ещё не высушило её волосы, и из них можно было выцедить пару глотков. То же самое удалось проделать и с майкой. Утолив жажду, она скрутила свои густые волосы, и остатки воды полились на песок.

Девушка огляделась по сторонам. Вокруг всё также не было ни души. Тогда она сняла футболку и шорты, разложила их на сиденьях карусели.

Солнечные лучи высушили кожу. Карусель сильно нагрелась, и мокрые стринги уже не вызывали дискомфорта. Девушка примерила простые аккуратные чёрные босоножки на плоской подошве, найденные в фонтане, и они оказались впору. Затем внимание перешло на собственные руки. Линии жизни сурово молчали, скрывая события и прошлого, и будущего. Не обнаружив никаких подсказок, девушка закрыла руками лицо и прошептала:

– Чёрт! Да кто... я?!

Но этот тихий крик души не нашёл ответа.

Она хотела прошептать ещё много восклицаний и ругательств, но говорить было очень сложно. Новорожденная Венера потянулась к шортам и запустила руку в карман. В нём было пусто. Запустила во второй и – о чудо! Нашла там какой-то тонкий плоский предмет.

Пластиковая визитка. На чёрном полупрозрачном фоне золотыми буквами было выгравировано: «Андрей-Сан. Куро-лоли». Ниже, мелким шрифтом, выведены телефон и адрес.

Это была весьма сомнительная зацепка. «Андрей-сан. Куро-лоли», – вслух прочитала девушка. Слова по непонятности шли в порядке возрастания. Имя Андрей было ей знакомо, хотя конкретный обладатель этого имени в памяти не всплывал. «Сан» – вроде как-то связано с востоком. А вот загадочное слово (или два слова?) «Куро-лоли» окончательно ставило в тупик.

Итак, у неё были: шорты, майка, стринги, босоножки, визитка. Всё. Она не могла вспомнить не только обладателя визитки. Она не могла вспомнить вообще ничего, что предшествовало её пробуждению в фонтане. Бьющий во все колокола инстинкт выживания требовал немедленно понестись по указанному в визитке адресу. Голова продолжала болеть, от всего вокруг как будто исходило гудение, но бездействие словно подобно было самоубийству.

Девушка привела себя в порядок: вытерла обратной стороной майки размазанную по лицу косметику, потом стала ждать, когда высохнут одежда и волосы. Спустя полчаса её перестало трясти, тошнота и головная боль немного унялись, одежда высохла. Девушка была готова к вылазке из своего ненадёжного укрытия.

Выйдя из арки, она огляделась по сторонам. Тело уже слушалось её, шум автомобилей и людская суета оказались привычными и не раздражали. Вокруг фонтана по-прежнему наворачивали круги скейтбордист и роллеры, никакие люди в форме поблизости не виднелись, на скамейках сидели влюблённые парочки и старики. Недалеко от фонтана, ближе к проезжей части, стоял газетный киоск.

Девушка подошла к киоску. Она уже хотела заглянуть в окно, как заметила в витрине... своё отражение.

«Вот», – прозвучало в голове.

«Вот», – казалось, эхом отозвалось по всей улице.

Вот чем она обладала, кроме одежды и визитной карточки: невысоким ростом, стройной спортивной фигурой, грудью второго размера, приятным, можно даже сказать красивым личиком и, что самое впечатляющее, большой копной светло-русых, пышных немного вьющихся волос.

«Вот», – прошептала она, изучая собственный голос.

– Вот – громко сказала она в окошко и облизнула губы.

– Что вам? – с раздражением и недоумением спросила продавщица.

– Мне... – девушка распробовала каждую букву, – Мне нуу-ужно... – она отвела глаза в сторону и причмокнула губами. – Мне нужен журнал. Журнал с адресами.

– Бизнес журнал?

– Эээ... Мне нужен журнал с алфавитом. Не знаю. – Девушка почувствовала себя несчастной, но присутствие духа не потеряла. – Вы не знаете... Мне надо... – Одну руку она запустила в волосы, другой достала из кармана визитку. – Мне надо «Куро-лоли», – сказала она, смутившись.

– Вам, может, самый полный?

Девушка поджала губы и кивнула.

– Да. Дайте посмотреть.

Продавщица неуверенным, даже боязливым движением достала и протянула какой-то журнал.

– А тут алфавит в конце – да?

– Да. Будете брать?

– Подождите, – ответила девушка крайне серьёзным тоном. В конце журнала она нашла букву «К», с радостью обнаружила там «Куро-лоли». Быстро перелистнув на указанную страницу, стала изучать свой следующий пункт назначения – какой-то то ли бар, то ли кафе, то ли

клуб. На одних фотографиях были полуобнажённые танцовщицы, на других – уютный интерьер со столиками. Внизу страницы, кроме адреса и телефона, была указана станция метро.

– Ура, – сказала девушка, протянула журнал продавщице и смело зашагала по шумной улице в неизвестном направлении, где искренне надеялась найти вход на станцию.

Деньги в карманах шорт она не нашла, пришлось клянчить на проезд у всех встречных. Таким способом за пятнадцать минут она насобираала себе на проезд и «на мороженое» (как выразился доброжелательный мужчина с портфелем).

Через час, после поездки в метро и долгих блужданий по району в поисках незнакомого адреса, девушка оказалась под нужной вывеской.

«КУРО-ЛОЛИ» – гласила вывеска. Буква «К» была украшена изображением красной босоножки на шпильке. На букве «И» стояла милая кружка с кофе, от которой шёл пластмассовый пар.

Девушка нажала на ручку и, вслед за дверью, ввалилась в бар. Громко звякнул колокольчик. Посетителей в зале почти не было. Около барной стойки стояли, болтая и крутя в руках подносы, две официантки в чёрно-белых костюмах. К девушке подошла администратор.

– Здравствуйте. Вы одна?

– Я по делу, – ответила девушка и достала визитку. – Мне нужен вот этот человек. Он здесь?

– Он внизу в кабинете... – ответила администратор.

– Внизу?

– Да. Вон там лестница слева.

– Точно. Вижу.

– Спуститесь и направо.

– Ага. Поняла.

Девушка спустилась в подвальный этаж по узкой витой лестнице и неожиданно окунулась в полумрак. После уличной жары, после шума и яркого летнего солнца, она как будто оказалась в новом измерении. Блестели шесты и ножки стульев, в зале было тихо и прохладно, стены украшали тёмно-синие узоры. Эти узоры извивались, приковывали взгляд, завораживали. Девушка снова почувствовала головную боль, тошноту и слабость. Держась за стену, еле дошла до двери, где на металлической табличке было выгравировано: А. П. Девушка открыла дверь – и в ту же секунду столкнулась с вкрадчивым взглядом в глубине кабинета. Там, за столом, сидел мужчина. Его внешность не вызвала никаких откликов памяти.

На вид ему было слегка за сорок. Он был плотного телосложения и явно испытывал пристрастие к яркой одежде. Перед ним на столе стояли открытый ноутбук и стакан с виски. Мужчина несколько секунд разглядывал девушку. Потом, внезапно узнав посетительницу, встрепенулся, расплылся в радостной улыбке и спросил:

– Жюстина?

– Да, – ответила Жюстина.

Её передернуло от неожиданности собственного ответа. Она застыла, не понимая, была ли это инстинктивная хитрость или вспышка памяти.

Андрей-сан взял в руки стакан и небрежно поднял в воздух.

– За встречу? Я уже боялся, что ты не придёшь. Присаживайся.

Жюстина заметила у стены небольшой кожаный диван и с радостью плюхнулась на мягкое сидение. Андрей-сан закрыл ноутбук и облокотился на стол.

– Ну что? Как дела?

Жюстина неуверенно ответила:

– Да так... Как обычно.

– Ну, хорошо, – сказал Андрей-сан. – Пойдём, покажешь мне что-нибудь.

Жюстина с удивлением и растерянностью посмотрела на Андрея-сана. Тот задорно улыбнулся:

– Да, видел я, видел, как ты танцуешь, но, всё-таки, хочу сейчас ещё посмотреть.

Они вышли в полумрак бара, Андрей-сан включил освещение над одним из шестов и тихую ритмичную музыку.

– Ну, прошу!

Жюстина секунду стояла в нерешительности, затем сняла босоножки и подошла к шесту.

– А где твои туфли? – спросил Андрей-сан.

– Так получилось, что туфель у меня уже нет, – ответила Жюстина, делая грудью небольшие волны такт мелодии.

– А костюмы?

– Костюмов тоже нет. Я думала – у вас здесь свои костюмы.

Андрей-сан покачал головой.

– И, в общем, денег у тебя тоже, я так понимаю, нет?

– Не-а, – ответила Жюстина, шагая на цыпочках вокруг шеста. – Вообще ничего нет.

Андрей-сан вздохнул,

– Ну, давай – показывай, что ты там умеешь.

Жюстина сделала взмах ногой, подтянулась на руках и закрутилась вокруг шеста. На мгновение, она почувствовала сладкое ощущение полёта. Её взгляд был устремлён вверх. Закрутилось крепление шеста, потолок, весь мир. Жюстина опустила на колени, вскинула волосы, положила руку на шест, подтянула ногу, выгнулась, встала...

Ей казалось, этот танец будет продолжаться бесконечно. Она ушла в какое-то забытье, доверив телу вспомнить всё то, чего она теперь не знала. Она решила не останавливаться, пока Андрей-сан сам её не остановит. А он всё стоял и смотрел, сложив руки на груди. Она делала волны, летала в разных позах, снова и снова скидывала волосы, взбиралась на шест и мягко спускалась вниз.

Но вот бесконечность закончилась, и Андрей-сан сказал:

– Знаешь, я ожидал немного большего.

Жюстина остановилась и поспешно слезла со сцены.

– И? – спросила она, заглянув в глаза Андрей-сану.

– Нет, ну, я тебя возьму, конечно... – сказал он и вздохнул. – У тебя, знаешь, хорошие рекомендации. Ну, ты сама знаешь.

Жюстина не знала.

– Хорошо, – ответила она. – Спасибо.

Андрей-сан деловито засунул руки в карманы брюк.

– Так... по поводу костюмов... Пойдём в кабинет...

Они вернулись в кабинет. Андрей-сан открыл ящик стола и, пошуршав, извлёк визитку, которую сразу протянул Жюстине.

– Вот этот магазин ты, наверное, знаешь?

– Нет, не знаю, – покачала головой Жюстина.

– Сейчас едешь туда и выбираешь то, что тебе надо. Я ближе к вечеру отправлю кого-нибудь это купить. Сможешь сегодня выступить? Мне людей катастрофически не хватает.

Жюстина была не против. Тут она поняла, что не имеет ни малейшего представления о том, когда в последний раз ела.

– А можно я тут чем-нибудь перекушу? – спросила она.

Андрей-сан хмыкнул и отправил её на первый этаж, посоветовав найти официантку Снежанну и заказать что-нибудь за счёт заведения. Когда Жюстина ушла, Андрей-сан открыл ноутбук, расстегнул брюки и снова запустил любимое порно.

Глава V. За дверью у А. П.

Конечно, самостоятельно Зоя работу не нашла. В одних местах ей не нравилось начальство, в других – атмосфера, в третьих – униформа. В большинстве: всё вместе и униформа в особенности. Зоя ездила по собеседованиям, грустила на кухне, отбирала у Эдика ноутбук и с удручённым выражением лица искала новые объявления о работе. Эдик наблюдал за этим то с жалостью, то со злорадством, то с раздражением. В конце концов, он не выдержал. Распростившись с надеждой вернуть Зою родителям, скрепя сердце, Эдик объявил:

– Я тебя пристроил!

Эдик пришёл среди ночи и был пьян. Он минут пять пытался вставить ключ в замок. Это шуршание разбудило Зою, и она открыла дверь. Зоя стояла перед братом сонная, растрёпанная, босая, в ярко-розовых панталонах и в белой хлопковой майке.

– Эдик, ты о чём? Куда? – спросила Зоя, когда Эдик сделал торжественное объявление.

– Если бы кое-кто хоть иногда ходил бы на мои концерты, – Эдик ткнул пальцем в белую майку, – то знала бы, куда!

– Хорошо, Эдик, – ответила Зоя без энтузиазма, закрывая дверь и возвращаясь к дивану, – утром расскажешь.

– Нет, подожди! – Эдик стянул кеды и поплёлся на кухню. – Представляешь, у директора фамилия Перро!

Зоя вошла на кухню.

– Перро? – переспросила она с удивлением.

– Перро, – кивнул Эдик. – У него, короче, то ли папа, то ли мама откуда-то оттуда.

Зоя театрально подняла брови:

– А, может, псевдоним? – предположила она.

– Неее... Прикол же не в этом! Прикол в том, что ему, короче, его фамилия не нравится, и он зовет себя Андрей-сан!

Эдик хихикнул. Зоя загрустила.

– Небось, какой-нибудь очередной суши-бар – да? – несмотря на глубокое уважение к Японии, где зародился её любимый стиль одежды, Зое не очень хотелось работать в подобном заведении.

– Не... Просто чувак что-то загоняется по Японии.

– И что за место?

– Ну... Там сверху кофейня такая прикольная, а снизу небольшой такой ночной клубец, где мы сегодня выступали. – Эдик встал, налил воды в кружку и пропел: Кое-кто... Всё увидел бы сам! Если б ходил! На-мо-и концертыыы...

Зоя состроила недовольную гримасу. «Ы-ы», – повторил Эдик. Зоя поняла, что разговор лучше отложить до утра.

– Я спать.

– Я тоже.

Они легли по разные стороны большого дивана и быстро, почти одновременно, уснули. Зоя – на постели, в пижаме. Эдик – просто на диване, в чём был. Ничто не нарушало их сон.

Следующим вечером Зоя отправилась в «Куро-лоли». Весь день она отказывалась верить Эдику, что бар называется именно так.

– Эдик, ну не может быть! Так же называется одно из направлений Gothic&Lolita!!

– Да ладно! И что?

– Эдик, ты не понимаешь! Ты ничего не перепутал? Точно?

– Да вроде нет.

– Эдик, а там много кукол – да?

– Ну как сказать... Там стриптиз-шоу есть... Девочки вроде ничего.

– Эдик, я не об этом! И вообще – какое стриптиз-шоу?

Эдик был не в настроении разговаривать.

– Все. Отстань. Сама всё увидишь.

Зоя увидела. И то, что она увидела, её не расстроило и, можно даже сказать, обрадовало. Зою встретили забавная вывеска, небольшой уютный зал, наполненный ароматом кофе, и улыбочивая администратор.

– Здравствуйте, – сказала администратор, – вы одна?

– Здравствуйте, – ответила Зоя. – Мне нужен Андрей-сан!

– Он в своём кабинете. Пожалуйста, влево, вниз по лестнице и направо.

– Спасибо, – Зоя кивнула.

Она так волновалась перед предстоящим собеседованием, что не услышала, как администратор проворчала официантке:

– Что-то зачастили сегодня к А Пэ.

– Ну. Думаешь поувольняет всех, как грозился?

Спустившись по лестнице, Зоя оценила контраст. В верхнем зале, по размерам в два раза меньше подвального, присутствовала атмосфера утончённости. Там изделия из металла были искусственно состарены, на окнах висели бардовые шторы, мебель по большей части была сделана из дерева и украшена резьбой. Стены – расписаны узорами исключительно нежных, кофейно-молочно-шоколадных тонов. На нижнем этаже всё было холодно и современно: повсюду блеснул хромированный металл, манили присесть кожаные диваны, большими чёрными пятнами красовались колонки.

«Забавное место. Хочу здесь работать», – решила Зоя.

Она постучала в дверь. Никто не ответил. Зоя осторожно нажала на ручку, и та поддалась. Заглянула в кабинет. За столом напротив двери никого не было. В Зое нарастало нетерпение побыстрее договориться о работе, и она ещё шире открыла дверь в надежде, что директор спрячется в какой-нибудь дальний угол. И тут она увидела спящую на диване девушку.

– Ой, – испуганно пробормотала Зоя.

Спящей на диване девушкой была Жюстина. За несколько часов до того, покинув этот же кабинет и съев пару мясных блюд под бдительным вниманием официанток, она поехала за костюмом. Путь был долгий, деньги на проезд пришлось добывать уже испытанным способом, дорога заняла целый час, а в завершение, магазин оказался спрятан где-то во дворах за неприметной дверью. Но когда Жюстина вошла, настроение её немного улучшилось – она окунулась в яркий красочный мир пёстрых костюмов и лакированной обуви на большой платформе. Магазин был маленький: костюмы теснились на вешалках, в дальнем углу одиноко висела шторка примерочной. За стойкой с кассой сидела женщина и читала журнал. Она была полновата, но умело скрывала свои недостатки под воздушным драпированным платьем тёмных тонов. На её ногах были туфли из продукции магазина. Женщина подняла глаза и расплылась в лучезарной улыбке. Эта улыбка располагала, даря ощущение комфорта и добродушия.

– О! Давно тебя не видела!

«Я была здесь раньше», – констатировала Жюстина.

– Но, знаешь, ваш заказ ещё, к сожалению, не привезли.

– Э... Ничего страшного. Я пришла купить что-нибудь новое прямо сейчас.

– А! Ну тогда смотри, выбирай, – ответила женщина и вернулась к чтению журнала.

Одежду и обувь Жюстина выбирала медленно и очень долго. Она тянула время, пытаясь придумать, как выведать у женщины хоть что-то о себе. В конце концов, у неё начало рябить в глазах от пёстрых костюмов из латекса, винила, кружева, шёлка и прочих приятных материа-

лов. Тогда она быстро извлекла из общей массы джинсовую мини с молнией по всей небольшой длине, чёрный ультракороткий топ с американским флагом, белое бикини из винила и лакированные чёрные сапоги без шнуровки на шпильке и платформе с прозрачной подошвой. Сложила на прилавок.

– Отложите это, пожалуйста. Сегодня приедет человек и заберёт.

– Хорошо, – ответила женщина.

Жюстина застыла в нерешительности. Она так и не придумала, как вывести что-то о себе. Поэтому она решила спросить напрямую:

– Странный вопрос – не поймите неправильно, но... Что вы знаете обо мне?

Женщина снова улыбнулась, подмигнула и заговорщическим тоном ответила:

– Ничего, детка, Ни-че-го.

– Нет, вы не поняли...

– Нет, детка. Я всё понимаю, – женщина кивнула. В её глазах блеснула страсть к играм.

Жюстина мысленно махнула рукой.

– Ясно. Спасибо. И до свидания.

Когда Жюстина уже вплотную подошла к двери, то услышала за спиной:

– Передавай привет Элле!

Жюстина оглянулась.

– Кому?

– Элле Рай! – женщина снова подмигнула. – Никому, никому. Иди.

Жюстина открыла дверь и вышла из магазина. Вариантов, куда теперь идти, было не так уж и много. Точнее, единственный – «Куро-лоли». По дороге обратно Жюстину снова подкосили головная боль и безумная усталость.

Приехав в бар, она сразу направилась в кабинет Андея-сана.

– Я заказала костюмы.

– Молодец, – ответил Андрей-сан. Он сидел за столом и капался в каких-то бумагах.

Жюстина села на диван.

– Я тут посилю до вечера?

Андрей-сан помолчал и, не отрываясь от бумаг, ответил:

– В гримёрке есть диван.

– Ну, Андрей-сан, я не дойду до гримерки. Можно я прямо тут прямо сейчас усну?

Андрей-сан издал звук – что-то вроде кряхтения.

– Ладно, мне сейчас всё равно подъехать в одно место надо...

Жюстина легла и тут же отключилась.

– Я дверь закрывать не стану, так что будь настороже! – громко сказал он, пытаясь докричаться до Жюстины сквозь её глубокий сон.

И Жюстина оказалась действительно чутким сторожем. Как только дверь заскрипела и в комнату заглянула Зоя, Жюстина сразу проснулась. У неё всё ещё болела голова, и снова появилось чувство тошноты. Она медленно села и устала на Зою.

Пока она смотрела, в её голове проносились события этого дня. Теперь, в более или менее уютном и защищённом месте, она, наконец, ощутила весь свалившийся груз. У неё не было ни дома, ни денег, ни семьи, ни друзей, ни даже нормального имени. Ей захотелось закричать, расплакаться, но присутствие чужого человека не позволяло дать волю чувствам. Поэтому она просто сидела и смотрела на Зою, довольствуясь той немногой памятью, что у неё появилась. Фонтан, люди, дворик, карусель... Движение за движением, фразу за фразой. Она прокручивала в голове по несколько раз каждую мелочь, невольно пугая Зою своим долгим пронзительным взглядом. Зое стало неудобно и немного страшно. Казалось, будто Жюстина злится на неё

и вот-вот набросится. Но Зоя тут же успокоила себя: «Не стоит волноваться. Это же бар. Здесь всякое происходит. Не нужно ничего бояться, если я собираюсь здесь работать».

– Здравствуйте. Я пришла к Андрею-сану, – сказала она.

– Его сейчас нет, – ответила Жюстина

– А он скоро будет?

– Не знаю.

Зоя замялась.

– Я тогда его наверху подожду.

– Можешь подождать здесь.

Жюстина сказала это так резко, что Зоя побоялась перечить и зашла в кабинет.

– Я по поводу работы, – объяснила Зоя.

– Садись, – Жюстина убрала ноги с дивана. – И кем?

– Бариста.

– Кем?

– К-кофе готовить, – ответила Зоя.

Хотя она все ещё чувствовала себя неудобно, в ней проснулось чувство жалости.

По Жюстине было видно, что та чем-то очень расстроена, обеспокоена и взволнована. Поэтому Зоя решила поддержать разговор:

– А вы здесь работаете?

– Ну, да. Тоже сегодня устроилась.

– А кем?

– Танцовщицей.

– О-о! И что вы танцуете?

Жюстина с недоверием покосилась на Зою.

– Я думаю – стриптиз...

Тут Зоя испугалась, что и её могут взять вовсе не на должность бариста. Она тихо пробормотала:

– А-а. То есть ещё не знаете?

Жюстина потеряла цепь диалога.

– Давай на «ты». Хорошо?

– Хорошо. И как тебя зовут?

– Жюстина.

Зоя улыбнулась.

– А по-простому?

Жюстина задумалась в нерешительности, готова ли она дать себе имя или будет дожидаться, когда оно само придет из глубин прошлого.

– А по-простому можешь звать меня Жус.

Зоя улыбнулась ещё шире.

– А я – Зоя.

Зоя смекнула, что, раз эта девушка спала в кабинете самого директора, то с ней, наверное, надо дружить. Жюстина смекнула, что знакомство с этой доброжелательной девочкой ей точно не повредит.

– Мне сейчас нужно порепетировать – давно не выступала. Хочешь посмотреть?

Зоя кивнула.

– Тогда пойдём.

Они вышли из кабинета. Жюстина стала искать глазами выключатель и стойку ди-джея. Когда свет над одним из шестов загорелся и заиграла музыка, она поднялась на цену.

– Только встань у двери кабинета и смотри, чтобы никто не зашёл, – поручила она Зое.

Та встала на свой пост. Жюстина принялась танцевать, теперь уже силой выжимая из своего тела нужные движения. Зоя замерла, наслаждаясь искусством танца. Она в первый раз в жизни видела танец у шеста живьём. И второй – в принципе.

Жюстина танцевала минут двадцать, а Зоя любовалась как зачарованная. Она чувствовала, как с этим танцем, с этим баром, с новыми людьми и новой музыкой в её жизнь вот-вот ворвётся новый свежий ветер. Она готова была смотреть и смотреть на танец Жюстины. Но тут в зал спустился Андрей-сан. Вначале он крикнул Жюстине: «Репетируешь? Молодец», а потом заметил Зою: «Вы по какому вопросу?»

Тут к Зое вернулись волнение, и она крепко вцепилась в свою юбку.

– Я от Эдика. По поводу работы, – ответила она скороговоркой.

– А, проходи. Поговорим.

Жюстина проводила их взглядом и продолжила репетицию. Когда Зоя вышла из кабинета, танцовщица окликнула свою новую знакомую:

– Ну как?

Зоя подошла вплотную к сцене. Жюстина остановилась, села на край и свесила ноги.

– Вроде, нормально, – ответила Зоя. – Зарплата, как везде. График – тоже.

– И когда на работу?

– Послезавтра.

– Ясно, – сказала Жюстина. – Ну – удачи. Думаю, ещё увидимся.

Она встала и продолжила танцевать. Зоя отметила, что Жюстина теперь выглядела вроде бы спокойнее и веселее, чем в первые минуты их встречи.

– Жус, а почему ты была такая грустная, когда я только пришла?

– Да там... Проблемы всякие. Спать хотела.

Жюстина остановилась, посмотрела в лицо Зои и прочла там явный вопрос «А почему ты, собственно, не спишь дома?» Она решила прояснить ситуацию и рассказала первое, что пришло на ум.

– И я ушла от парня сегодня. Прямо без вещей, без всего. Идти даже некуда.

– И что – и сегодня некуда? – с сочувствием и удивлением спросила Зоя.

– Сегодня я работаю. Там – посмотрим.

Зое стало очень грустно и обидно за Жюстину. Ей-то всегда было куда идти. Вот и сейчас: Эдик хотя и ворчал, но всё-таки помог с работой – значит, любил и был не против её присутствия. А эта девушка, видимо, оказалась одинока в своих проблемах. У Зои сжалось сердце, и в голове промелькнула мысль: как было бы хорошо пристроить Жюстину пожить у них, пока та не помирится со своим парнем.

– Приходи завтра после работы к нам! – предложила Зоя. – Поспишь нормально. Днём, все равно, наверное, никого не будет.

– Было бы неплохо, – искренне обрадовалась Жюстина.

– Ну, тогда приезжай! Запиши мой номер телефона – позвони, как будешь выезжать.

– У меня нет телефона, – ответила Жюстина. – Вообще прямо всё оставила.

– Тогда надо как-то адрес записать.

– Пойдём наверх. Я поужинаю, а ты запишешь адрес на салфетку.

Глава VI. Сонный день

Эдик открыл глаза. Его взгляд уткнулся в серую обивку почти родного дивана. Эдик почувствовал, что ещё не протрезвел, и лежал, наслаждаясь сладким состоянием лёгкого опьянения. Ему вспомнился вчерашний концерт. Он прокручивал его в голове с удовольствием, радуясь той эйфории, которую пережил в очередной раз. «Мы были крутые», – заключил Эдик.

Он перевернулся на спину и долго смотрел в потолок, думая одновременно о многих вещах. Он представлял себе Амстердам, куда мечтал поехать следующим летом, вспоминал самые красивые участки тела своей последней подруги, пытался сочинить стихи для песни про своё теперешнее настроение: опустошённость, лёгкость, потерянности во времени.

Эдик услышал шаги из кухни, щелчок замка в туалете, потом снова щелчок. Он услышал, как со скрипом открывается дверь в ванну, как нарастает шум воды. Зоя прошла мимо дивана и увидела, что Эдик лежит с открытыми глазами. Она улыбнулась мягкой, заботливой улыбкой.

– О, ты проснулся.

– Ага, – ответил Эдик и зевнул.

– Эдик, не ругайся – у нас гости.

Он подтянулся и озадаченно посмотрел на Зою:

– Кто?

– Я пригласила на чай одну мою знакомую.

Эдик напрягся и попробовал вспомнить хотя бы один случай, когда Зоя приводила кого-нибудь в гости. Кажется, это было, когда Зоя училась классе в седьмом. Да, это была одноклассница, и они вместе рисовали стенгазету.

– Так кто это? – повторил Эдик.

– Это Жюстина, – ответила Зоя, и её улыбка стала слегка сконфуженной. – Можно просто Жус.

«Наверное, *такая же*, как Зоя», – подумал Эдик. Он привстал и повернулся к коридору, ожидая появления этой самой Жус.

– Она тоже работает в «Куро-лоли». Я пригласила её к нам в гости.

– На тебя это не похоже, – констатировал Эдик.

– Ну... Ну да, – сказала Зоя и поспешила перевести тему. – Как твой концерт вчера?

– Нормально.

– Тебе сделать чай, кофе?

– Лучше найди какую-нибудь еду.

– Нету ничего, кроме колбасы и огурца, – Зоя демонстративно развела руками. – Пойду, поставлю чайник.

Зоя ушла на кухню. Эдик снова остался в одиночестве, слушая шум воды в ванной. Наконец, вода утихла, спустя минуту дверь заскрипела, и в коридоре появилась девушка. Она была невысокого роста, раскрасневшаяся после горячего душа, в прилипших к мокрому телу шортах и футболке. Вытирая волосы полотенцем, она окинула взглядом комнату в поисках Зои. Увидев Эдика, коротко бросила «Привет» и удалилась на кухню. «Да...», – подумал Эдик и последовал за ней.

Зоя суетилась, заваривая чай. Жюстина задумчиво смотрела в окно. Эдик курил и рассматривал Жюстину. Он пытался определить мягкость её еще не высохших волос, теплоту кожи на плечах, скорость затвердевания сосков, податливость талии... Эдик мысленно ухмыльнулся.

– А кем ты работаешь в «Куро-лолли»? Я тебя там что-то не видел.

– Я недавно туда устроилась, – ответила Жюстина и добавила: Стриптизёршей.

На лице Эдика появилось лёгкое удивление. Он мысленно похвалил и поблагодарил Зою. Он даже захотел сказать что-нибудь вслух, но решил промолчать.

Жюстина с равнодушием ловила на себе взгляды Эдика. После прошедшей ночи ей было уже всё равно, кто и как на неё смотрит. Единственное, что по-настоящему радовало в обществе этого мальчика – то, что он не задавал вопросов. Сейчас она больше всего опасалась, что брат и сестра начнут выспрашивать о жизни. А ответов она не знала – ни одного.

Зоя, Эдик и Жюстина сидели втроём и молчали по-доброму, как давние друзья. Правда, Зоя несколько раз пыталась завести разговор, но его никто не поддержал. Жюстина медленно пила чай и старалась не думать о том, куда пойти следующим вечером. Эдик в очередной раз потянулся за пачкой сигарет и обратился к Жюстине:

– Куришь?

Жюстина замешкалась. Ей самой стало интересно, курит ли она.

– Давай, – ответила Жюстина, решившись на эксперимент.

Эдик подкурил две сигареты одновременно и протянул одну гостье. Руки Жюстины сделали привычный взмах к губам.

Зоя спохватилась, что Жюстина, наверное, хочет спать. Она отправилась стелить постель, оставив Эдика и Жюстину вдвоём. Они всё также молчали. Эдик пытался сформулировать вопрос, почему Жюстина не спит где-нибудь у себя, но тут опьянение сменилось похмельем и его мысли резко переключились на жалость к себе. Через несколько минут вернулась Зоя, Жюстина как раз затушила окурок. Поблагодарив, она встала и пошла спать.

Услышав шуршание одеяла, Эдик закрыл дверь на кухню и вполголоса спросил у Зои:

– А что она, собственно, тут делает?

Зоя села на табуретку и виновато уставилась в пол:

– Эдик, я хотела тебя попросить кое о чём.

– Ну?

– Жус поссорилась со своим парнем, и он её выгнал.

– Ну? Ну бывает, – пожал плечами Эдик.

– Можно она пару дней побудет у нас?

Зоя подняла глаза и встретилась со злобным взглядом брата.

– Зоя, что с тобой такое? У тебя же и подруг нормальных никогда не было. Откуда вообще такие изменения?!

– Эдик, я просто выросла. Я поняла, как важно иметь вокруг себя людей. Наверное, меня изменило то, как вы с Лаймом приняли меня.

Эдику вспомнился скандал, который Лайм закатил перед отъездом (Зои, к счастью, не было дома). «У меня здесь что – общежитие? – кричал Лайм. – Пионерский лагерь?! Санаторий?! Ладно, водил друзей и баб на ночь-другую! И так развел притон! А я тут живу и работаю! Мне же нужно какое-то личное пространство!»

Эдик посмотрел на умоляющую мордашку Зои. Если бы он умел договариваться о чём-то с таким видом, то... То, по крайней мере, Лайм, наверное, кричал бы меньше.

– Мне, если честно, всё равно. Но вот...

Эдик многозначительно замолчал. Зоя замялась и неуверенно констатировала:

– Лайма пока нет.

Эдик сам был не против, чтобы Жюстина какое-то время побыла с ними, поэтому, наконец, махнул рукой.

– Ну вот и сама будешь с ним разбираться.

Зоя захлопала в ладоши и обняла брата.

Жюстина спала спокойным глубоким сном. Ей снились яркие краски, красивые величественные здания и низкое солнце. Когда она проснулась, за окном уже было темно. Зоя зани-

малась шитьём в другом конце дивана. Эдик сидел посреди комнаты на полу, за ноутбуком, и с интересом что-то рассматривал.

Жюстина долго не хотела подавать признаки пробуждения. Она лежала недвижно, украдкой рассматривая комнату, освещенную тусклым светом ноутбука и торшера. Но вечно так лежать было невозможно. Жюстина почувствовала, как страх перед проблемами выживания окутывает её липкой паутиной где-то между одеялом и футболкой. И ненависть к этому страху, к собственному бессилию и незащищённости, заставили её зашуршать одеялом, подавая первые признаки бодрствования.

Зоя и Эдик были так увлечены своими делами, что не обратили внимания на Жюстину. Она встала, удалилась в ванную и вернулась в комнату.

– У меня сегодня репы не будет, – сказал Эдик, не отрываясь от монитора.

– Почему? – с наигранным интересом спросила Зоя, кинув на брата быстрый взгляд.

– Да... Одному слишком хорошо, другому слишком плохо.

Жюстина села на диван и спрятала ноги под одеяло. Эдик встал, пошел в прихожую, там натянул кеды, щёлкнул замком и покинул квартиру. Жюстина маялась от безделья и терялась в догадках, как быть дальше.

– Что ты шьёшь? – поинтересовалась она у Зои.

– Чепчик, – с довольным видом ответила та.

– Чепчик?

– Ну, да. Маленький такой, – Зоя приложила к затылку полоску белой вельветовой ткани, расшитую бантиками и кружевами. – Вот так. А сейчас я пришиваю ленточки, на которых он будет держаться.

– Ясно, – рассеяно ответила Жюстина.

Вскоре вернулся Эдик. В одной руке он держал двухлитровую бутылку пепси, в другой – две бутылки водки.

Зоя долгим недовольным взглядом оценила покупки и вернулась к шитью.

– Жус, пойдём на кухню, – сказал Эдик, стягивая кеды.

– Ага, – кивнула Жюстина, выбираясь из-под одеяла. За ночь работы в баре она порядком устала пить, разводя клиентов на коктейли, но сейчас была рада хоть какому-то занятию.

Они пошли на кухню, оставив Зою в одиночестве. Эдик достал из холодильника остаток копчёной колбасы и огурец, аккуратно разрезал всё это на тарелке.

Жюстина оказалась не очень приятным собеседником. Эдик ожидал долгих и весёлых историй из жизни стриптизёрш, а Жюстина предпочла занять позицию слушателя. В результате Эдику пришлось долго и нудно высказывать своё мнение о современной музыке, гитарах и многих других вещах, которые были Жюстине совсем не интересны. Ближе к полуночи, Эдик решил, что настал подходящий момент соблазнить гостью. Жюстина – приятная и сексуальная – сидела всего в метре от него и, как он искренне рассчитывал, была не против приятно провести время. Но тут он резко отложил свои намерения на потом, из-за накатившего желания спать.

Глава VII. Так бывает

Это случилось в самый обычный день, когда, кажется – ничего из ряда вон выходящего произойти не может.

Ярко светило августовское солнце. Город суетился, с радостью и печалью настраиваясь на предстоящую осень. Маркетологи готовили осенние скидки, психи – осенние обострения, Андрей-сан – осеннее меню.

Всю неделю по дороге на работу Зоя с праздничной гордостью отмечала каждый день: «Это мой первый понедельник в «Куро-лоли», «Это мой первый вторник в «Куро-лоли», «Это моя первая пятница в «Куро-лоли». А теперь настала её первая суббота.

Зое нравилось работать. Её радовали атмосфера уютного престижного кафе и обходительность Андрея-сана. Всё нужное для приготовления кофе хозяин заведения разместил прямо в зале, чтобы аромат создавал приятное деловое настроение, так что Зоя могла с интересом наблюдать за жизнью кафе. Она рассматривала посетителей, придумывала всякие истории, которые могли бы здесь произойти, знакомилась с другими работниками. В первый раз в жизни Зое действительно хотелось стать ближе с окружающими людьми. Это была уже не школа, где каждый существовал сам по себе.

Зоя работала только в дневную смену, на верхнем этаже. В просторном светлом помещении было очень спокойно. Днём посетители переговаривались полусшёпотом, как в музее, обсуждая сплетни и интимные секреты, а ближе к вечеру подтягивались шумные компании, которые заказывали в основном алкоголь – так что Зоя оставалась совсем без дела. Часто играла музыка, в которой звучал клавесин. Его нотки доносились как будто из волшебной истории и уносили Зою в фантазии о новых пышных платьях и собственных фарфоровых чашках.

К сожалению, большинство работников кафе-бара не отвечали Зое взаимностью, и на это были веские причины. Зоя производила впечатление девушки, пришедшей поработать от нечего делать. Сразу бросалось в глаза приятельское отношение Андрея-сана (хозяин бара был давним знакомым Эдика и теперь чувствовал ответственность за его милую забавную сестру). С остальными работниками он был строг – можно даже сказать суров. Андрею-сану было нужно, чтобы весь персонал заведения ходил «по струнке», это значило важным штрихом той эстетики, которую он упорно совершенствовал в «Куро-лоли». Он кричал, снимал штрафы, доводил до слёз администраторов, чтобы те, в свою очередь, доводили прочий персонал. Он часто мечтал о том времени, когда, наконец, в баре будут работать киборги – идеальные девушки – прекрасные и услужливые. Но, несмотря на все усилия, ему не удавалось вытравить человеческий фактор.

Зоя даже представить не могла, как Андрей-сан поднимает на кого-то голос. Видя её, он каждый раз расплывался в доброжелательной улыбке и интересовался, всё ли в порядке. «Да», – вполголоса отвечала Зоя и застенчиво отводила взгляд. И сердце Андрея-сана радовалось. Он даже готов был простить Зое неидеальную внешность. Большую роль сыграл и стиль одежды Зои. Андрей-сан был очень доволен, что в его баре, название которого он переводил как «сломанная кукла», стало мелькать и суетиться что-то, действительно напоминающее куклу. Правда, радости своей он не показал и сделал вид, что скрепя сердце разрешает Зое приходить в ретро юбках и помпезных блузках. Не отменил он для Зои и главный принцип дресс-кода «Куро-лоли»: светлый верх, чёрный низ. Но это не помешало Зоя выглядеть прекрасно и для себя, и для него.

Зато совсем не прекрасно Зоя выглядела для барменов, официанток и администраторов, так что, кроме Жюстины, ей удалось подружиться только с ещё одной девушкой, самой общительной официанткой по имени Снежанна.

В ту последнюю субботу лета Зоя и Снежанна работали вместе. Днём посетителей было мало, и большую часть времени девушки болтали, делясь самыми яркими переживаниями последних лет. Зоя рассказывала об охоте за оригинальными аксессуарами, о любительских фотосессиях, о выпускных экзаменах и увлекательных книгах. Снежанна – о вечеринках, о проваленных кастингах в модельные агентства, о незабываемых свиданиях и мужских причудах. Слушая Снежанну, Зоя становилось как-то пусто и тоскливо на душе. С каждой фразой, каждой улыбкой озорной официантки Зоя всё отчетливее видела пропасть. Пропать, которая лежала у самых носков её лакированных туфель, и по другую сторону от которой находился чудесный мир романтики и любовных интриг. Одно дело читать об этом в книгах, видеть это в фильмах. Совсем другое – стоять в полуметре от девушки, почти ровесницы, которая только и жила этим миром.

Наблюдая за Эдиком, Зоя прекрасно усвоила большинство мужских недостатков и понимала, о чём говорит Снежанна, расстроено надув губки. Но в этом изучении она была лишь наблюдателем и, слушая коллегу, чувствовала себя как древний звездочёт, которого судьба свела с космонавтом.

В конце концов, подходящие истории у обеих девушек иссякли. Оставалось ещё много того, что они могли бы рассказать друг другу, но что не подходило для лёгкой болтовни на работе. Было и то, что каждая из них вообще не собиралась рассказывать другой. Поэтому Зоя и Снежанна просто рассеянно улыбались друг другу и рассматривали посетителей. Когда в очередной раз звякнул колокольчик, и открылась входная дверь, внутри Зои вдруг что-то ёкнуло.

В «Куро-лоли» вошел молодой человек. На нём идеально сидели футболка, пиджак и джинсы. Он передвигался уверенно и стильно, каждым шагом словно рекламируя дорогие кеды. За ним, виляя бёдрами и размахивая сумочкой, вошла высокая блондинка в обтягивающем лиловом топе и синих джинсах. Они заняли столик у окна, и одна из официанток принесла им меню. Зоя смотрела на нового посетителя и не могла отвести взгляд. Она прикусила упавший на щеку локон и подумала:

«Господи, он похож на принца!»

– Он похож на принца, – расскажет Зоя Жюстине.

– Он похож на принца, – расскажет Зоя Лайму.

– Он похож на принца, – услышит Эдик бормотание Зои во сне.

– Он похож...

– Вот этот. Похож на обычного кабеля. Собственно, о чём я тебе сегодня и говорила, – поставила диагноз Снежанна.

– Почему? – спросила Зоя.

– Вот он, – Снежанна показала пальцем на «принца», – часто сюда приходит. И представляешь, каждый, *каждый* раз с новой фифой. На такое даже мой бывший не был способен. Ой, прикаперов развелось...

«У неё с ним что-то было?», – предположила Зоя.

– И ходит он только с девушками определённого сорта... Ну, ты понимаешь.

«Проститутками?»

– Такими гламурными, пафосными.

«Неужели он пафосная нахальная пустышка, как тот посетитель позавчера?»

– ...Хорошо, хоть спокойный, не скандальный и чаевые нормальные оставляет.

«Неужели всегда-всегда с разными?»

– Но девушки с ним обычно такие уже... Где таких берёт? Кстати, любит кофе.

«Ясно». Зоя заранее достала чашку и блюдце.

«Он похож на принца».

Он действительно был похож на принца. Аристократично худ, высок и бледен. Его выражение лица спокойного умного ребёнка, демонстрировало, что он не был испорчен ни жизненными невзгодами, ни переизбытком подарков судьбы. Он напомнил Зое сразу всех персонажей романтических картинок. Снежанна ушла принимать заказ, а Зоя уже готовила капучино. Она очень хотела нарисовать шоколадной стружкой что-нибудь особенное, знаковое, романтическое, но – постеснялась. Когда подошла Снежанна, Зоя подала ей уже готовую чашку. Зоя ожидала, что Снежанна спросит «Как ты догадалась, что он любит капучино?», а она с придыханием ответит: «Я как будто знала это». Но Снежанна решила, что уже упомянула о его предпочтениях и только игриво подмигнула.

Те полчаса, что «принц» провел в «Куро-лолли», показались Зое целой вечностью. Она наблюдала за каждым его движением, безуспешно пыталась прочесть по губам, о чём он говорит со своей спутницей, нервно мяла подол передника. А когда посетитель ушёл, мягко придерживая высокую блондинку за талию, Зоя словно уснула, и остаток рабочего дня пронёсся как глубокий сон без сновидений.

Домой Зоя вернулась взволнованная. К концу дня в ней сформировалось какое-то новое, совершенно незнакомое чувство, похожее на карамель: сладкое и приятное, но, одновременно, вязкое и тягучее. Она была окрылена фантазиями и мечтами. Высокая блондинка сама собой куда-то испарилась, и остался только он – красивый, изящный, с обворожительной улыбкой и музыкальными пальцами. Всю дорогу домой Зоя никак не могла отделаться от волнующих мыслей и сцен, которые, одна за одной, в быстром темпе пронеслись в голове.

Вид уже привычного подъезда немного отрезвил Зою, заставив вспомнить о насущных проблемах. Она поняла, что позабыла всё на свете: пообедать, забрать старые туфли из ремонта, купить продукты для ужина и завтрака. Войдя в квартиру, Зоя сразу направилась на кухню, надеясь найти что-нибудь в холодильнике.

На кухне за столом сидели Эдик и какая-то девушка. Девушка выделялась пышными красными волосами, мелкими чертами лица и любимой футболкой Эдика. Брат и его гостья курили и разговаривали, делая большие паузы между словосочетаниями.

– ...Ты думаешь, если мне пить больше успокоительных, то станет лучше?

– Ну знаешь... Мне кажется, лучше волноваться о том, что тебя могут ночью похитить волки-мунтанты, ну или... или ещё что-нибудь в этом роде...

Зоя с несвойственным ей раздражением оценила, каким игривым тоном Эдик общается с гостьей.

«Ещё один, – подумала Зоя. – Только этот менее избирателен. И девушки у него повторяются. Эту я вроде видела год назад».

– Это кто? – спросила красноволосая.

– Это сестра. Эээ... Зоя.

В спальне пахло травкой и, как предположила Зоя, сексом. Она переоделась в домашнюю одежду и села за книгу. Спустя час гостья ушла, а Зоя отправилась на кухню и возобновила поиски еды – идти в магазин было лень. Эдик смотрел в окно и курил.

Романтическое настроение Зои окончательно улетучилось. Она как бы увидела то, что происходит с её «принцем» после посещения «Куро-лолли». Пусть в другом антураже, с другими девушками, и, возможно, без алкоголя или травки – но всё же, если верить Снежанне, сегодняшний «принц» был определённо в чём-то похож на Эдика.

Глава VIII. Возвращение Лайма

Лайм вышел из вагона метро и забросил на плечо дорожную сумку. Его чуть не сбил поток спешащих людей. Кто-то задел сумку, кто-то наступил на ногу. Но в Лайме пробудилось едкое, тяжёлое желание существовать наперекор общим принципам, и он двигался в медленном ритме, потому что у него не было ни сил, ни желания куда-то торопиться. Натыкаясь теперь уже на входящих пассажиров, он обратил внимание на стоящую у края перрона женщину с мальчиком лет пяти и вспомнил новую песню Эдика, высоким смыслом которой тот доставал его несколько дней перед отъездом. «Скажет мама у края перрона: „Ждём следующий, солнышко, тут людей много“... – Лайм глубоко вздохнул и с горечью подумал: – Да, точно подметил – дети, рождённые ездить в метро».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.